

DOI: 10.12731/2077-1770-2017-1-154-166

УДК 81.42; 801.7

ПОВТОР КАК ОСОБЫЙ ВИД СИНТАКСИЧЕСКОЙ СВЯЗИ В НЕСОБСТВЕННО-ПРЯМОЙ РЕЧИ: НА МАТЕРИАЛЕ ПРОЗЫ МАРИНЫ ЦВЕТАЕВОЙ

Пучинина О.П.

Автор статьи освещает особенности функционирования повтора, выступающего одним из способов выстроить синтаксические отношения в структуре несобственно-прямой речи, на материале прозаических текстов Марины Цветаевой. В статье описываются различные виды повторов, их отличительные черты и частотность употребления в исследуемых текстах. Типология повторов с позиционной точки зрения в исследуемых случаях несобственно-прямой речи разнообразна: повтор встречается в начале предложений, в конце, в начале и в конце одного высказывания или абзаца, в конце одного высказывания и в начале следующего, а также наблюдается повтор лексем в центре высказывания. Морфология повторов, а именно, частеречная принадлежность повторенных слов и конструкций, представляет интерес с точки зрения и функциональной грамматики. Автор отмечает, что повторы представлены разными частями речи: это могут быть союзы, предлоги, частицы, имена существительные, местоимения, наречия, числительные, комбинация двух слов, глаголы, модальные слова. Более того, в силу своего особого замысла Цветаева усиливает повтор фонетически: это может быть использование фонетических приёмов, таких, как аллитерация, рифма и ритм, что придаёт её прозе дополнительную поэтичность.

Цель. *Статья посвящена актуальной в современной лингвистике теме чужой речи. Предметом анализа выступают различные виды повторов в структуре несобственно-прямой речи на материале прозаических текстов М. Цветаевой. Автор ставит целью*

раскрыть особенности функционирования представленных в них типов повтора (лексического, синтаксического, семантического).

Метод или методология проведения работы. Основу исследования образует метод сплошной выборки иллюстративного материала, а также статистический метод количественного подсчёта, направленный на то, чтобы выявить процентное соотношение случаев употребления разных видов повтора и частеречной принадлежности повторённых слов и конструкций в текстовом поле автора.

Результаты. Результаты работы заключаются в выявлении факта того, что в структуре несобственно-прямой речи писатель выстраивает единый комплекс разноуровневых типов повтора, представляющий собой одну из отличительных черт идиостиля автора. В текстовом поле М. Цветаевой, особенно в рамках несобственно-прямой речи, повторы выполняют самые различные функции: усилительную, ритмическую, связующую.

Область применения результатов. Результаты исследования могут быть применены студентами филологических отделений при изучении таких учебных дисциплин, как стилистика, синтаксис.

Ключевые слова: повтор; несобственно-прямая речь; Марина Цветаева; функции повторов; синтаксис; часть речи.

REPETITION AS A SPECIAL TYPE OF SYNTACTIC RELATIONS IN REPRESENTED SPEECH: BASED ON THE PROSE BY MARINA TSVETAeva

Puchinina O.P.

The author studies the peculiarities of repetition, being one of the ways to build syntactic relations in the represented speech structure, based on the prose by Marina Tsvetaeva. The article describes the different types of repetitions, their distinctive features and frequency of usage in the studied tests. The author describes different types of repetitions in the studied cases of represented speech from the point of view

of their position. Repetition occurs at the beginning, end of sentences, beginning and end of a statement or paragraph, end of a statement and beginning of the next one; lexical items may be repeated in the middle of a statement. The morphology of repetitions, i.e., the way by what parts of speech the repeated words and structures are expressed, is of interest from the point of view of functional grammar. The author notes that Tsvetaeva repeats different parts of speech: conjunctions, prepositions, particles, nouns, pronouns, adverbs, numerals, verbs, modal words or a combination of two words. Moreover, due to her special intention, Tsvetaeva intensifies repetition through particular phonetic devices, such as alliteration, rhyme and rhythm, which make her prosaic works sound poetic.

Purpose. *The article is devoted to the topic of rendering another person's speech, as it continues to be one of the most important issues of modern linguistics. The subject of analysis is repetition and its different types in the structure of represented speech on the material of prose texts by Marina Tsvetaeva. The author's aims is to reveal the way these types of repetition (lexical, syntactic, semantic ones) function in the structure of represented speech and what effect is achieved with their help.*

Methodology. *The research has been conducted using the continuous sampling method and the quantitative estimation method, aimed to identify the frequency of using different types of repetition and repeated parts of speech and constructions in the text field of the writer.*

Results. *The author concludes that in the structure of represented speech the writer builds a unique set of multi-level types of repetition, being one of the characteristic features of her individual style. In Marina Tsvetaeva's texts, especially in the framework of represented speech, repetition performs a variety of functions, i.e., emphatic, intensifying, rhythmic and connective ones.*

Practical implications. *The results of the study can be used by students of philological departments, while taking such courses as stylistics and syntax.*

Keywords: *repetition; represented speech; Marina Tsvetaeva; functions of repetition; syntax; parts of speech.*

Проблема чужой речи интересует исследователей не одно десятилетие. В данной статье проводится анализ функциональных особенностей повтора как особого вида синтаксической связи в несобственно-прямой речи (далее НПР) на примере прозы Марины Цветаевой. Стилистические функции различных видов синтаксической связи (например, союзов, местоимений, наречной связи, повторов, связи при помощи единства времён, пропуск или замена подразумеваемого слова и других) до сих пор не изучены в достаточном объёме. К тому же язык прозы Марины Цветаевой и её выразительный синтаксис продолжают представлять интерес у различных исследователей. Ведь как писал американский исследователь Ричард Оман, «синтаксис определяет стиль» [8, с. 82].

Синтаксическими связями принято считать формальные строковые отношения между элементами синтаксической единицы, которые вскрывают семантические связи, т.е. синтаксические отношения, выраженные языковыми средствами [2, с. 544]. По мнению исследователей НПР, в том числе Е.Я. Кусько, одним из характерных для НПР средств синтаксической связи выступает повтор [3, с. 144]. Учитывая различные классификации и определения повтора (И.В. Арнольд, В.В. Данилин, З.П. Куликова, В.П. Москвин и др.), в данной работе мы будем придерживаться следующего рабочего определения повтора: «Повтором обычно считают фигуру речи, заключающуюся в повторении (итерации) языковых элементов, принадлежащих разным языковым уровням в условиях синтаксической близости и способствующих композиционно-смысловой организации текста» [5, с. 12]. Повторы повышают экспрессивность высказывания, представляя собой некоторую намеренную девиацию от синтаксически немаркированной нормы, для которой однократное употребление слова является достаточным.

Чаще всего к предметно-логической информации повтор ничего не прибавляет, и поэтому, как пишет И.В. Арнольд, его можно рассматривать как относительную «избыточность» [1, с. 182]. Тем не менее, В.А. Кухаренко отмечает, что слово или словосочетание, выдвинутое вперёд за счёт инверсии, обособления, повтора приоб-

ретаёт особый акцент и, сохраняя синтаксическую функцию, лексическое и грамматическое значение, получает дополнительную коннотацию и эмфатическое содержание [4, с. 62].

В своём исследовании мы придерживаемся точки зрения о том, что НПР является особым способом передать чужую речь, занимающим промежуточное положение между прямой речью и косвенной. Используя НПР в художественном произведении, автор преследует цель сохранить лексические, фонетические и синтаксические особенности внутренней и произнесённой речи своих персонажей, то есть НПР принадлежит одновременно плану автора и плану персонажа. Особенностью НПР в прозе Цветаевой является тот факт, что протагонистом в изучаемых произведениях выступает сама Марина, но в другом временном и пространственном измерении, т.е. Марина-ребёнок или Марина-подросток. Следовательно, данную речь можно назвать чужой только условно.

В данной статье мы преследуем цель проанализировать НПР прозаических текстов Марины Цветаевой и представленные в них лексический, синтаксический, семантический типы повтора. В качестве материала послужили около 300 примеров НПР, извлечённых нами методом сплошной выборки из прозы М. Цветаевой.

Проведённый анализ показал, что типология повторов с позиционной точки зрения в исследуемых случаях НПР разнообразна: повторы встречаются в начале предложений, в конце, в начале и в конце одного высказывания или абзаца, в конце одного высказывания и в начале следующего, а также повтор лексем в центре высказывания. Нами отмечено, что Цветаева часто прибегает к **анафоре (единоначалию)** (19%): *После ужина <...> я получила его (письмо с признанием в любви – Примеч. автора О.П.) обратно с подчеркнутыми красным карандашом ошибками. Было над чем задуматься. <...> Разве Онегин подчеркивал ошибки в Татьянинном письме? Разве Онегин был влюблен в Раечку? Разве он хотел ее увезти на Урал? Разве он учился в университете? Разве у него была желтая борода? Разве... Да разве я-то похожа на Татьяну?* [«То, что было», с. 103].

Повторение вопросительной частицы «разве» усиливает эффект растерянности главной героини рассказа, получившей назад своё письмо с подчёркнутыми ошибками. Можно предположить, что девушка, испытывающая первую влюблённость, ожидала совсем другого. Следовательно, мы имеем дело с усилительным повтором. К тому же использование параллельных конструкций придаёт ритмический эффект представленным вопросительным предложениям.

Эпифора (или концовка), т.е. повтор конечной части смежных единиц, по мнению ряда лингвистов, употребляется в текстах довольно редко, однако, по нашим наблюдениям, М. Цветаева применяет этот вид повтора достаточно часто (20%): *Почему Кирилловны? <...> Тогда же я над этим не задумывалась, как не задумывалась над тем, почему пароход – “Екатерина”. Екатерина – и всё тут. Кирилловны – и всё тут* [«Хлыстовки», с. 114]. В представленном примере концовкой является повторение простого предложения «и всё тут», что усиливает эффект твёрдой уверенности главной героини в том, что всех знакомых ей женщин в Тарусе по отчеству собирательно зовут Кирилловны. Этой же цели служат параллельные конструкции в последних двух предложениях и ещё один вид повтора – подхват – повторение глагола «задумывалась» с отрицательной частицей.

Анадиплосис (подхват или стык) обозначает дублирование слова, фразы или предложения в рамках двух граничащих смежных единиц. Подхват объединяет две идеи, усиливает выразительность и ритмичность. В НПР Цветаевой отмечаем частое применение подхвата (28%): ... *она все это уничтожила одной только обмолвкой: «Я вас люблю, – к чему лукавить?» К чему лукавить? Да к тому, чтобы торжествовать! А торжествовать – к чему? А вот на это, действительно, нет ответа для Татьяны – внятного, и опять она стоит, в зачарованном кругу залы, как тогда – в зачарованном кругу сада, – в зачарованном кругу своего любовного одиночества, тогда – непонадобившаяся, сейчас – возделенная, и тогда и ныне – любящая и любимой быть не могущая* [«Мой Пушкин», с. 34]. В данном отрывке Цветаева вступает в своеобразный диалог

с А.С. Пушкиным, цитируя его в конце первого предложения и подхватывая цитату в начале следующего. Отвечая на поставленный таким образом вопрос, она дублирует ещё одну мысль дальше. И как будто ей этого мало, она прибегает ещё к одному повтору словосочетания «в зачарованном кругу». И действительно, читая весь отрывок создаётся впечатление замкнутого круга, из которого нет выхода, одна безысходность.

Обрамление (кольцевой повтор или рамка) состоит в повторении одной и той же части в начале и конце предложения или абзаца. Данный вид повтора отмечен нами наименьшее число раз (3%): *Ихнее гнездо хлыстовское было, собственно, входом в город Тарусу. Последний – после скольких? – спуск, полная, после столько света, тьма (сразу полная, тут же зеленая), внезапная, после той жары, свежесть, после сухости – сырость, и, по раздвоенному, глубоко вросшему в землю, точно из нее растущему бревну, через холодный черный громкий и быстрый ручей, за первым по левую руку ивовым плетнем, невидимое за ивами и бузиною – «ихнее гнездо хлыстовское»* [«Хлыстовки», с. 114–115]. Автор повторяет словосочетание «ихнее гнездо хлыстовское» в начале и в конце абзаца, к тому же в данной отрывке отмечаем повтор предлога «после», вводящего определения к определяемым существительным «спуск», «тьма», «свежесть», «сырость». Немалый интерес представляет необычное положение данных определений: прилагательные «последний», «полная», «внезапная» Цветаева дополняет определениями, которые логично было бы поставить в постпозиции, обособляет их запятыми и употребляет их в качестве однородных определений, дополняющих упомянутые выше прилагательные.

Синонимичный повтор заключается в повторении одной и той же идеи при помощи синонимов. За счёт использования синонимических средств высказывание приобретает дополнительный оттенок, денотативное значение расширяется и конкретизируется. В структуре НПП Цветаевой синонимичный повтор встречается не так часто (5%). *Мать точно заживо похоронила себя внутри нас*

<...> *И какое счастье, что все это было не наука, а Лирика, – то, чего всегда мало, дважды – мало: как мало голодному всего в мире хлеба, и в мире мало – как радия, то, что само есть – недостаток всего, сам недостаток, <...> то, чего не может быть слишком, потому что оно – само слишком, весь излишек тоски и силы, излишек силы, идущий в тоску, горамидвигающую* [«Мать и музыка», с. 62–63]. В данном отрывке можно выделить два случая данного вида повтора: «мало» – «недостаток», «слишком» – «излишек» на фоне другого вида повтора – концовки («мало» и «слишком»). К тому же экспрессивность второго синонимичного повтора «слишком» – «излишек» усиливается за счёт аллитерации – фонетического повтора звука «ш». Такая стилистическая конвергенция, избыточность, повторяемость не только слов, даже звуков, служат средством усиления, становясь своеобразным способом выражения категории интенсивности. На наш взгляд, чтение с детства благотворно сказывалось на развитии ребёнка, и она была благодарна своей матери, что помимо любви к музыке, она с малых лет привила ей с сестрой любовь к чтению и классической лирической литературе.

Изредка Цветаева прибегает к **простому повтору**, используя какое-либо слово дважды, как бы обращаясь к читателю и ведя своего рода диалог (4%). *Звучало еще робкое, но и в робости своей грозное, ничем, кроме собственного звучания, не заполненное слово «свобода». Какая? Вся. От чего? От всего. И, конечно, прежде всего – от дома. Нет, нет, не от родителей. Родители еще были неприкосновенны, неподсудны, да и они ли гнали?* [«Дом у Старого Пимена», с. 137]. В данном случае Марина пишет о жизни сводных сестёр своего старшего брата, дочерей известного историка Д.И. Иловайского, отличавшегося строгостью в воспитании. Девушки подрастали и искали больше свободы от атмосферы дома, в котором умирали их старшие братья и сёстры, от этих стен, дверей, потолков, от рока преждевременной смерти, нависшей над домом, как ощущала Цветаева. В этом же отрывке отмечаем ещё один характерный для НПП вид повтора – **корневой повтор**, т.е. использование однокоренных слов «робкое» и «робостью», обладающий

усиливающим значением, расширяющим смысл высказывания от единичного к общему (8%).

Частотным и продуктивным видом повтора в НПП является **варьированный повтор**, когда к общему дословно повторяемому элементу речи (мысли) присоединятся видоизменённый элемент (5%). Эти примеры в комплексах НПП обладают значительным эмотивным содержанием, являются средством выделения, акцентирования определённых мыслей речевых элементов. «*Сквозь волнистые туманы пробирается луна...*» <...> «*На печальные поляны льет печальный свет она...*» *О, Господи, как печально, как дважды печально, как безысходно, безнадежно печально, как навсегда припечатано – печалью, точно Пушкин этим повторением печаль луною как печатью к поляне припечатал* [«Мой Пушкин», с. 43]. Данный пример также демонстрирует корневые повторы, представленные разными частями речи, то есть это повторение не одного и того же слова, а однокорневых лексем: печаль (в разных формах), печально и т.д., а также употребление рифмующегося слова «печатью», подчёркивая безрадостную картину природы.

Заслуживает особого научного внимания параллелизм – повтор смежных синтаксических конструкций: предложений или их частей. В структуру внутренней НПП параллельные конструкции вписываются вполне гармонично, хотя мы отмечаем не очень частое употребление поэтом параллельных конструкций в рамках НПП (8%): *Почему не Сережу (любила)?* <...> *Почему с его смертью примирилась, приняла ее – как все?*

А потому что Сережа сам смирился, а Надя – нет.

А потому что Сережа уже не хотел жить, а Надя – да.

А потому что Сережа совсем умер, а Надя – нет [«Старый Пимен», с. 155]. В этом примере параллелизм выполняет ритмическую функцию, прозаический текст приобретает стихотворное звучание, для усиления этого впечатления Цветаева начинает каждое предложение с новой строки, а синонимический повтор «совсем смирился», «уже не хотел жить» и «совсем умер» подчёркивает чувство апатии своего сводного брата, нежелание бороться за свою жизнь.

Как видим, в структуре Марина Цветаева употребляет разнообразные виды повтора, осложняя какой-то один повтор как минимум ещё одной его разновидностью.

Не меньший интерес представляет морфология повторов, а именно, какими частями речи они могут быть выражены. На материале иллюстративного материала нами отмечено, что повторы представлены разными частями речи: это могут быть предлоги (8%), частицы (10%), имена существительные (14%), корневой повтор различных частей речи (10%), комбинация двух слов (18%), глаголы (20%), модальные слова (6%), реже – союзы (4%) местоимения (4%), числительные (2%), прилагательные (2%) наречия (2%).

К тому же, повтор может усиливаться за счёт добавления повторяемых элементов. Например, в рассказе «Мать и музыка», повествуя о своих уроках музыки с матерью, на протяжении практически двух страниц Цветаева перечисляет, за что она любит клавиши. К повторяемому предлогу «за» добавляются местоимение «то», союзное слово «что», и союз «и», однако в конце отрывка Цветаева возвращается к повтору предлога «за». И.В. Арнольд отмечает, что связь при помощи предлогов имеет более конкретный характер, чем союзная связь благодаря своей материальной выраженности [1, с. 185].

Нами отмечено, что Цветаева подкрепляет повтор фонетически средствами. Даже в прозе Цветаева употребляет рифмующиеся слова, что придаёт её текстам дополнительную поэтичность. Например, в следующем отрывке, связывающем неполные придаточные предложения за счёт повторяющегося союза «за то, что», она использует рифмующиеся существительные «хроматика», «грамматика», «романтика», «драматика». *За то, что – это я сейчас говорю – Хроматика есть целый душевный строй, и этот строй – мой. За то, что Хроматика – самое обратное, что есть грамматике, – Романтика. И Драматика* [«Мать и музыка», с. 65].

Таким образом, анализ исследованных нами примеров позволяет сделать следующие выводы: 1. Повтор занимает важное место в синтаксисе текстов Марины Цветаевой, содержащих несобственно-прямую речь в частности. Структурная типология повтора в исследуемых

случаях несобственно-прямой речи разнообразна: повтор встречается в начале предложений, в конце, в начале и в конце одного высказывания или абзаца, в конце одного высказывания и в начале следующего, а также повтор лексем в центре высказывания. Писатель прибегает к простым и варьированным модификациям повторов, а также усиливает ритмический эффект за счёт параллельных конструкций, являющихся синтаксическим видом повтора. 2. Морфология повторов, а именно, частеречная принадлежность повторенных слов и конструкций, представляет интерес с точки зрения и функциональной грамматики. Нами отмечено, что повторы представлены разными частями речи: это могут быть союзы, предлоги, частицы, имена существительные, местоимения, наречия, числительные, комбинация двух слов, глаголы, модальные слова. 3. Более того, в силу своего особого замысла Цветаева усиливает повтор фонетически: это может быть использование фонетических приёмов, таких, как аллитерация, рифма и ритм, что придаёт её прозе дополнительную поэтичность. 4. В структуре несобственно-прямой речи проанализированных текстов отмечаем, что Цветаева прибегает к повторам разных уровней (лексическому, синтаксическому, реже звуковому) и видов в едином комплексе, следовательно, повтор является одной из отличительных особенностей идиостиля автора. 5. Повторы выполняют в текстовом поле Марины Цветаевой, особенно в рамках несобственно-прямой речи, самые различные функции: усилительную, ритмическую, связующую, устанавливая определённую иерархию элементов-повторов.

Список литературы

1. Арнольд И.В. Стилистика современного английского языка (стилистика декодирования). М.: Просвещение, 1981. 295 с.
2. Белошапкова В.А., Брызгунова Е.А., Земская Е.А., Милославский И.Г. и др. Современный русский язык. Под редакцией В.А. Белошапковой. М.: Высшая школа, 1989. 800 с.
3. Кусько Е.Я. Проблемы языка современной художественной литературы. Несобственно-прямая речь в литературе ГДР. Львов: Вища школа, 1980. 208 с.

4. Кухаренко В.А. Интерпретация текста. М.: Просвещение, 1988. 192 с.
5. Минакова А.А. Типы и функции повторов в поэтических текстах Евгения Евтушенко: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2012. 22 с.
6. Цветаева М.И. Проза. М.: Современник, 1989. 590 с.
7. Цветаева М. Собрание сочинений: В 7 т. Т. 5: Автобиографическая проза. Статьи. Эссе. Переводы. М.: Эллис Лак, 1994. 720 с.
8. Ohmann R. *Prolegomena to the Analysis of Prose Style // Style in Prose Fiction*. N.Y.: Columbia University Press, 1959. 82 p.

References

1. Arnol'd I.V. *Stilistika sovremennogo angliyskogo yazyka (stilistika dekodirovaniya)* [Stylistics of Contemporary English (Stylistics of Decoding)]. Moscow: Prosveshcheniye, 1981. 295 p.
2. Beloshapkova V.A., Bryzgunova E.A., Zemskaya E.A., Miloslavskiy I.G. et al. *Sovremennyy russkiy yazyk* [Contemporary Russian language]. Edited by V.A. Beloshapkova. M.: Vysshchaya shkola, 1989. 800 p.
3. Kus'ko E.Ya. *Problemy yazyka sovremennoy khudozhestvennoy literatury. Nesobstvenno-pryamaya rech' v literature GDR* [The language problems of the contemporary fiction. Represented speech in the literature of the GDR]. L'vov: Vishcha shkola, 1980. 208 p.
4. Kukharenko V.A. *Interpretatsiya teksta* [Interpretation of the text]. M.: Prosveshchenie, 1988. 192 p.
5. Minakova A.A. *Tipy i funktsii povtorov v poeticheskikh tekstakh Evgeniya Evtushenko* [Types and functions of repetitions in poetic texts of Evgeniy Evtushenko]: Thesis Abstract ... Candidate of Philology. Maykop, 2012. 22 p.
6. Tsvetaeva M.I. *Proza* [Prose]. M.: Sovremennik, 1989. 590 p.
7. Tsvetaeva M. *Sobranie sochineniy: V 7 t. T. 5: Avtobiograficheskaya proza. Stat'i. Esse. Perevody* [Collected edition: In 7 Vol. Vol. 5: Autobiographical prose. Articles. Essays. Translations.]. M.: Ellis Lak, 1994. 720 p.
8. Ohmann R. *Prolegomena to the Analysis of Prose Style: Style in Prose Fiction*. New York: Columbia University Press, 1959. 82 p.

ДАННЫЕ ОБ АВТОРЕ

Пучинина Ольга Павловна, старший преподаватель кафедры английской филологии и межкультурной коммуникации, аспирант 1-го года обучения

Елабужский институт (филиал) Казанского (Приволжского) федерального университета

ул. Казанская, 89, г. Елабуга, Республика Татарстан, 423604, Российская Федерация

olga.puchinina@gmail.com

DATA ABOUT THE AUTHOR

Puchinina Olga Pavlovna, Senior Lecturer, Department of English Philology and Cross-Cultural Communication, 1st year Graduate Student

*Elabuga Institute of Kazan' (Volga Region) Federal University
89, Kazanskaya Str., Elabuga, Tatarstan Republic, 423604, Russian Federation*

olga.puchinina@gmail.com